

Евгений Деменок

ИЛЬФ, ПЕТРОВ И БУРЛЮК

*... судьбой мне, нам с Марусей, написано было встречать
милых хороших достойных людей.*

Давид Бурлюк

«Отец российского футуризма», художник, поэт, оратор, актёр и шоумен Давид Давидович Бурлюк прожил долгую, яркую и насыщенную жизнь. За восемьдесят пять лет он написал около двадцати тысяч картин, которые были показаны на более чем семидесяти персональных выставках (групповые сложно даже сосчитать), написал сотни статей и стихотворений и сделал себе имя в трёх странах – России, Японии и Америке. Бурлюк стоял у истоков футуристического движения в России и Японии, вместе с Василием Кандинским и Францем Марком создавал в Германии объединение «Синий всадник», а в Америке стал лидером художественной группы «Хэмптон Бейз».

Давид Бурлюк был необычайно энергичным, общительным и умел дружить. Всю жизнь его окружали интересные и известные люди – в России это Владимир Маяковский и Велимир Хлебников, Василий Каменский и Алексей Кручёных, Бенедикт Лившиц и Александра Экстер, Михаил Ларионов и множество других всемирно известных сейчас художников и поэтов; в Америке – художники Николай Цицковский, братья Рафаэль и Мозес Сойеры, Арчил Горки и Джордж Констант, Борис Григорьев и Сергей Судейкин и многие, многие другие.

Благодаря тому, что Давид Бурлюк и его жена Мария Никифоровна всю жизнь вели дневник, большая часть которого опубликована в издаваемом ими на протяжении тридцати лет журнале «Color and Rhyme», а также оставили после себя огромный корпус статей и писем, мы можем восстановить не только подробности жизни самих Бурлюков, их друзей и знакомых, но и почерпнуть массу интересной информации об известных людях, с которыми они встречались на протяжении своей жизни. Информация эта часто субъективна и излагается несколько по-разному в зависимости от того, готовилась она для публикации или приведена в частной переписке, а также от того, в каком возрасте описывал Бурлюк эти встречи. Именно своей субъективностью она и интересна. А ещё интереснее сравнивать и сопоставлять воспоминания Бурлюка о ком-либо из друзей или знакомых с воспоминаниями этого человека о встречах с Бурлюком.

Одним из таких случаев являются записи Давида Бурлюка и Ильи Ильфа, сделанные

ими после встречи в Америке.

Встречались ли Бурлюк и Ильф до того, в России?

Вот что писал 2 мая 1961 года Давид Бурлюк своему многолетнему другу по переписке, «духовному сыну», известному тамбовскому коллекционеру Николаю Алексеевичу Никифорову: «Нашёл письма Ильфа-Петрова: «Бурлюка начал читать и читаю с 1913 года»^[1].

Что ж, такое вполне могло быть – Ильфу в 1913-м было шестнадцать лет, а имя Бурлюка было тогда неразрывно связано с именем Владимира Маяковского, которого Ильф любил и ценил. Достаточно привести цитату Льва Славина, в свою очередь цитирующего Евгения Петрова: «Эту первую, юношескую влюбленность в Маяковского Ильф пронёс через всю жизнь. Евгений Петров совершенно справедливо пишет в своих воспоминаниях об Ильфе: "Ильф очень любил Маяковского. Его всё восхищало в нем. И талант, и рост, и виртуозное владение словом, а больше всего литературная честность"»^[2].

1913 год примечателен ещё и тем, что именно тогда в сборнике «Дохлая луна» было опубликовано самое известное стихотворение Давида Бурлюка «Каждый молод молод». Так что – вполне может быть. Вполне может быть и то, что Илья Файнзильберг побывал на одном из концертов «Турне кубофутуристов», состоявшихся в Одессе 16 и 19 января 1914 года.

К сожалению, записей об этом не сохранилось.

Однако точно известно, что Давид Бурлюк и Илья Ильф дважды встречались в Америке - осенью 1935-го и зимой 1936 года. Записи об этих встречах были сделаны и опубликованы каждым из них.

Вот что пишет о второй встрече в своём дневнике за 21 января 1936 года жена Бурлюка Мария Никифоровна:

«В Советы уехали Ильф и Петров. Бурлюк подарил им «2 масла» - «Глостор» - облака там прорисованные чёрточками и «Радио-Стил» - воспроизведённый в одной из наших книг, 15 акварелей и рисунков (портреты рабочих). Но писатели были так увлечены и заняты паковкой башмаков, «троек», носовых платков... купленных в Новом свете, что пакет с подарком не развернули, отправят его вместе с «тяжёлым багажом» до Москвы.

Бурлюк, Ильф и Консул (*советский – прим. автора*) обедали в армянском ресторане. Бурлюк там сделал скетч с Ильфа, подошёл Башкиров, хвалил рисунок за сходство.

Авторы «12 стульев» и «Золотого телёнка» уплыли домой.

Сделали автограф: «Приеду и начну войну с нянькой-старухой» - Ильф.

У него 10-месячная дочь»^[3].

А вот что писал о первой встрече – на приёме в советском консульстве, - Илья Ильф в своём письме жене, Марии Николаевне Тарасенко:

«[Нью-Йорк], 17 октября 35 г.

...Вчера состоялся прием в консульстве. Было сто двадцать человек критиков, издателей, критикесс, деятелей и особенно деятельниц искусства. Нас здесь знают довольно хорошо и хорошо относятся. Кроме того, был Бурлюк, старый и пьяноватый, но симпатичный. Был и Мамульян, режиссер "Королевы Кристины", которую мы, кажется, вместе видели на кинофестивале. Он поведёт нас на негритянскую оперу, которую недавно поставил. Все говорят, что это замечательная работа.

Приём сошёл для меня хорошо, и я не очень томился. Порядок такой: консул с женой стоит на площадке лестницы и встречает гостей. Мы стоим позади них, нас знакомят. Гости говорят что-то приятное и удаляются в торжественные залы пить водку и пунш. Потом приходят другие, тоже что-то говорят и тоже удаляются пуншевать. Потом понемногу начинают уходить. Мы все время стоим на площадке, здороваемся и прощаемся. Уходить нам отсюда нельзя, пока все не уйдут, пить и есть тоже нельзя. Продолжается это три часа. Очень интересные люди и страна тоже»^[4].

Это письмо, как и другие письма Ильфа и Петрова своим жёнам, написанные и отправленные во время путешествия, были неоднократно опубликованы в советское время как приложения к «Одноэтажной Америке».

Упоминание о той же самой встрече с Бурлюком есть и в изданном Александрой Ильиничной Ильф «Американском дневнике» Ильфа (1935-1936), в который вошли не опубликованные ранее записи, а также в «Записных книжках» Ильфа (1925-1937). Тут Илья Ильф пишет о Бурлюке в совершенно другой тональности, без иронии и насмешки. Вот фрагмент записи от 16 октября: «Появляются гости. Пришло 120 человек. Дамы, их много. Подросточек с «Золотым телёнком». Она не будет читать «12 стульев», потому что ей сказали, что там плохой конец. Предложения двух кинодам. Когда все разошлись, выпил водки с Бурлюком. Я назвал его Давидом Давидовичем, он растрогался»^[5].

Понятно, почему эта запись не вошла в «канонические» заметки, опубликованные в Советском Союзе. Эмигрант Бурлюк, пусть даже и друг Маяковского, пусть даже и симпатизирующий Советской власти, не должен был быть слишком симпатичным.

Одна из иллюстраций к опубликованному Александрой Ильиничной дневнику – карандашный портрет Ильфа, выполненный Бурлюком во время их второй встречи 21 января 1936 года, на том самом обеде в армянском ресторане. Бурлюк попросил тогда Ильфа подписать портрет – что тот и сделал; подпись слева внизу.

У этого портрета интересная судьба – спустя двадцать лет Давид Давидович подарил его Николаю Алексеевичу Никифорову. Вот что писал Бурлюк Никифорову в мае 1957 года:

«Так как вы нам не присылаете списков полученного от нас, то мы не знаем, дошли ли до Вас высланные нами рисунки мои с Ильфа, а также его зарисовки жирафов. Когда я в 35 году видел их в New-York, Ильф уже умирал от чахотки. С Петровым я имел обед в дорогом ресторане. Он был мой гость... Я дал им серию моих акварелей, и Лиля Юрьевна Брик купила некоторые из них у вдовы Ильфа. Книжка «Золотой телёнок» имеется у меня с автографом (в архиве надо найти). О писаниях И. П. об Америке поговорим на отдельном листе»^[6].

Вслед за портретом Бурлюк отправил в Тамбов историю создания этого портрета – вот фрагмент из его письма от 12 февраля 1958, Флорида: «Спасибо за ваши пожелания и ласку, и рисунки акв. красками. Вложения: Ильф (портрет история), Заикин – фото, В.Н.Пальмов (фото)»^[7].

Зачастую Давид Давидович отправлял Никифорову послания с определённой целью – популяризировать своё имя и творчество в СССР, где его упорно не замечали. Так случилось и с историей создания портрета Ильфа – буквально через месяц, 15 февраля 1958 года, Бурлюк пишет:

«Я знал, но забыл, что Петров – брат Катаева (он не отвечает на мои письма!). Мне надо знать, в каком году в Одессе он встретил Эдуарда Багрицкого? (Упомянут в своих рассказах). И далее: «Ильфа историю портрета пошлите В.Катаеву: Союз писателей, Москва, ул. Воровского 52»^[8].

Видимо, встречавший Катаева во время своего первого визита в Советский Союз в 1956 году Бурлюк рассчитывал, что с помощью признанного в Союзе писателя история его встречи с Ильфом станет широко известной.

О том, что подаренные им авторам «Двенадцати стульев» и «Золотого телёнка» работы оказались у Лили Брик он узнал, скорее всего, во время того же визита – именно Лиля Брик, Василий Катанян и Семён Кирсанов добились тогда от Союза писателей приглашения для Бурлюка в СССР.

Подаренный Никифорову карандашный портрет Ильфа до сих пор находится в Тамбове – сейчас в коллекции Сергея Денисова. В 2007 году он экспонировался вместе с другими работами Бурлюка на выставке в частном художественном музее, принадлежащем Денисову, а за два года до этого – в Пермском областном краеведческом музее.

Упоминание о работах Бурлюка, подаренных в Америке Ильфу и Петрову, я

встретил ещё в одном неожиданном источнике – воспоминаниях писателя Владимира Беляева, автора повести «Старая крепость», который приятельствовал с Петровым. Вот что пишет Беляев о своей первой встрече с ним:

«В письме Евгения Петрова ко мне была фраза: "Надеюсь, мы как-нибудь увидимся и сможем более подробно поговорить обо всём". Это дало право в первый же приезд в Москву позвонить Евгению Петрову. Я услышал в трубке хриловатый голос: "Вы где сейчас находитесь? А-а... Заезжайте". Дальше следовало обстоятельное, с мельчайшими подробностями пояснение, как удобнее всего доехать до Лаврушинского переулка.

Он открывает дверь сам, высокий, живой, с испытующим взглядом тёмных, южных глаз. Легкой, уверенной походкой спортсмена он проводит меня в кабинет, показывая широким размахом руки дорогу.

Солнечная комната с картинами Бурлюка. Светлый стол, низкие застеклённые шкафы вдоль стен, тахта, несколько стульев. Все удобное, скромное. Ничего лишнего, безвкусного, мешающего работать»^[9].

К сожалению, записей самого Евгения Петрова о встрече с Бурлюком нет. Вообще ведение дневниковых записей было хорошей привычкой как Ильфа, так и Бурлюка. Борис Галанов в своей книге «Илья Ильф и Евгений Петров» писал:

«Записная книжка была постоянным спутником Ильфа. Он часто говорил Петрову:

- Обязательно записывайте, - всё проходит, всё забывается. Я понимаю - записывать не хочется, хочется глазеть, а не записывать. Но тогда нужно заставить себя»^[10].

А вот что писал Ильф в своём дневнике: «Если не записывать каждый день, что видел, даже два раза в день, то всё к чёрту вылетит из головы, никогда потом не вспомнишь»^[11].

Давид Бурлюк даже сочинил стихотворные строчки о важности ведения дневника – они адресованы его жене Марии Никифоровне, Марусе, которая часто подменяла самого Бурлюка в этом ответственном деле:

Очень важно без отсрочки,
Ежедневно, в сырь и в ясь,
Не лениться в книгу строчки
Метить, Дуся, не скупясь.
Коль писать о дне отложишь –

Позабудется деталь
И забывчивости рожи
Правду вмиг отгонят вдаль.
И дневник тогда утратит
Свежесть, ласковость цветка.
Дни бегут, как мчатся тени
Чтобы выросли века ^[12].

15 апреля 1937 года Маруся запишет: «В Москве умер Ильф. Бурлюк понёс в «Рус.-Голос» его два автографа и рисунки – наброски, сделанные с него» ^[13]. В газете, в которой Бурлюк проработал около двадцати лет, вышел тогда большой материал об Илье Ильфе.

Так о чём же написал Бурлюк Никифорову «на отдельном листе»?

Вот этот фрагмент:

«Писания Ильфа об Америке устарели. За 20 лет неслыханно наша страна САСШ шагнула вперёд. Катаева видали в Москве. Также и «Квадратуру круга» - писали о ней. Америка страна необычайных возможностей, очень богатейшая! 1000 музеев! 350000 молодых художников. Тысячи газет... Необычайное количество всего... Нельзя писать так с кандачка – фельетонно, как И. и П. Но они мертвы, и о них лучше (de mortuis ant bene aut nihil)» ^[14].

Несмотря на любовь к России, к концу 40-х Америка стала для Бурлюков домом. Ещё в 20-х Бурлюк называет её мачехой, в 30-х – помогает Марусе справиться с ностальгией и называет США «второй Родиной», а в ноябре 1957 пишет Никифорову из Карловых Вар: «Мария Никифоровна ужас как скучает за домом – Америкой...» ^[15]. Бурлюк, тот самый Бурлюк, который писал хвалебные стихи о Ленине и изображал портреты Сталина на своих натюрмортах, начал критиковать Советскую власть. «Мы Родину любим, ценим, но кого любишь, тому не льстишь» ^[16], - писал он Никифорову. Америку же, наоборот, Бурлюк с Марусей теперь защищают. После Ильфа и Петрова «досталось» давнему знакомому Бурлюков, ещё одному одесситу, Корнею Чуковскому, который разгромил американскую литературу на одном из Съездов писателей. Вот что пишет Бурлюк Никифорову 5 июня 1959 года:

«К.И.Чуковский накинулся на Америку, обвиняя её «в упадке лит. вкуса»... Из-за дерев леса не видит. Америка – богатейшая страна. «Догнать и перегнать её – наша задача». Если Америка будет лет 10 стоять на одном месте и поджидать догоняющих и перегоняющих! <...> Надо изучать страны, с коими желаем жить в мире. В Америке

полная свобода печати. Пиши, что и как хочешь, и, если ты можешь добиться до читателя, торжествуй. Вообще, обвинять одну сторону, в чём-либо, особенно в текущий момент, когда нужна дружба народов, не хорошо, не нужно! Тем более, что к САСШ это не применимо. Это страна добрых людей, культурных и совершенно не склонных к жестокости или варварскому насилию над мнением, вкусом или даже инквизиционно («за футуризм надо сечь!») склонных лишать свободы или, даже!, жизни. <...> Корней Чуковский, старчески ища успеха для своего выступления, односторонне подошёл к Америке, её литературе, преувеличивая и стараясь мало осведомлённой аудитории пустить шерсть (Wool) в глаза, как говорят по-английски»^[17].

Маруся добавляет: «И жизнь, она отсеет то, что ценно, и вам не надо плакать о нас, американцах»^[18].

Дальше – больше. 11 октября 1963 года Бурлюк пишет: «Россия отстала, Россия в живописи и литературе вся под пятой старых, провинциальных, отсталых вкусов, отворачиваясь от жизни Запада. Без «Запада» жить нельзя. Изоляция вредна и экономически, и эстетически.

Володя Маяковский боролся с этим и погиб в неравной схватке со вкусами толпы»^[19].

И вот определяющее: «Я американец, «уроженец России»»^[20].

Такая эволюция взглядов вызвана не только объективными, но и, безусловно, субъективными причинами – после двадцати непростых лет в Америке Бурлюки наконец обрели и славу, и достаток; в России же, наоборот, его имя замалчивалось, все попытки организовать выставку или опубликовать книгу (воспоминаний, стихов) властью игнорировались и даже респонденты после одного-двух писем прекращали переписку – это было небезопасно. Оставался один бесстрашный Никифоров, которому Бурлюк выплёскивал время от времени свои эмоции.

И всё же Бурлюк до конца своих дней оставался «левым». Я приведу чуть позже несколько цитат, но вначале расскажу о забавном, почти детективном эпизоде, произошедшем в Америке с Ильфом и Петровым.

Планируя поездку, авторы ещё в Москве решили проехать через весь материк – от океана до океана. «План поражал своей несложностью. Мы приезжаем в Нью-Йорк, покупаем автомобиль и едем, едем, едем – до тех пор, пока не приезжаем в Калифорнию. Потом поворачиваем назад и едем, едем, едем, пока не приезжаем в Нью-Йорк»^[21]. Для реализации плана не хватало самой малости – денег, машины, а самое главное – водителя, гида и переводчика в одном лице.

Слово авторам:

«Итак, перед нами совершенно неожиданно разверзлась пропасть. И мы уже стояли на краю её. В самом деле, нам нужен был человек, который:

умеет отлично вести машину,
отлично знает Америку, чтобы показать её нам как следует,
хорошо говорит по-английски,
хорошо говорит по-русски,
обладает достаточным культурным развитием,
имеет хороший характер, иначе может испортить всё путешествие,
и не любит зарабатывать деньги.

Последнему пункту мы придавали особенное значение, потому что денег у нас было не много. Настолько не много, что прямо можно сказать – мало.

Таким образом, фактически нам требовалось идеальное существо, роза без шипов, ангел без крыльев, нам нужен был какой-то сложный гибрид: гидо-шоферо-переводчико-бессребреник. Тут бы сам Мичурин опустил руки. Чтобы вывести такой гибрид, понадобилось бы десятки лет»^[22].

И вдруг – неожиданная удача. Почти сразу по приезду Ильф и Петров выяснили, что газета «Русский голос», в которой Давид Бурлюк работал семнадцать лет – с 1923 по 1940 год, незадолго до их приезда в Америку «на свою голову начала ... печатать подвалами «Двенадцать стульев», - как писал Ильф в своём письме жене 20 октября. «Мы попросили гонорар. Денег у них, в общем, нет, и они предложили в шофёры, переводчиком и гидом своего редактора. Он поедет с нами, а содержать его будет редакция. Наем шофера, он же переводчик, обошёлся бы в 300 долларов»^[23].

Гибрид нашёлся.

Детали сейчас установить трудно, но – вполне может быть, - идею публикации популярного романа «подкинул» редакторам именно Бурлюк, высоко ценивший творчество одесско-московских авторов.

События разворачивались бурно. В первый раз Ильф и Петров встретились с редактором «Русского голоса» Александром Яковлевичем Браиловским у советского консула. Это не удивительно – как писал Бурлюк писал Н.А.Никифорову 25 июля 1957 года, «... эта газета – единственная русская просоветская газета, которая существует за границей...»^[24]. Узнав, что в «Русском голосе» печатают их роман без всякого на то их согласия и, разумеется, без авторского гонорара, они были крайне удивлены. Идею

потребовать гонорар подсказал им «левый» писатель и журналист Эммануил Поллак, который на третий день по прибытию Ильфа и Петрова в Соединённые Штаты пришёл брать у них интервью.

Вот что пишет в своём дневнике Ильф:

10 октября: «Сейчас же пришёл Поллок, автор книги «СССР в образах и лицах». Он возбудил в нас желание получить деньги с «Русского голоса» за печатание «Двенадцати стульев». Не успели мы разговориться на эту увлекательную тему, как пришли Хиндус и Джо Фримен. Фримен улыбаясь сказал, что Пильняк научил его таким словам, которых Крупская не знает»^[25].

11 октября: «Редактор «Русского голоса» совершенно с нами согласен. Надо просить было разрешения печатать «Двенадцать стульев», надо авторам платить гонорар, но денег нет, и он считает, что получить ничего нельзя в том месте, где ничего нет. Мы, однако, монотонно повторяли, что имеем желание получить гонорар. Ещё при нём пришёл Поллок и, выждав его ухода, прочёл восторженное интервью с нами». И ещё одна короткая запись в тот же день: «Утром урок (*английского – прим. автора*). Трудновато. Браиловский. Поллок»^[26].

19 октября: «Переговоры с «Русским голосом» кончаются тем, что они дают нам Браиловского на 2 ½ месяца шофёром и переводчиком»^[27].

31 октября: «Драматическая история между представителями «Р.Г.» и Браиловским. Надоело до безумия. Поездка понемногу разваливается. <...> Хочется договориться с Троном. Снова Браиловский и «Р.Г.»»^[28].

Четвёртого ноября Ильф писал жене: «Поедет с нами, кажется, не Браиловский, а мистер Трон с женой, о которых я Вам уже писал. Это американец, великолепно знающий Америку, а жена его прекрасно правит автомобилем. Мы их почти уговорили ехать»^[29].

Уговорили. Соломон Абрамович Трон, выдающийся инженер-электротехник, много лет работавший с СССР, и его жена Флоренс действительно сопровождали Ильфа и Петрова в их путешествии, организовав отличный маршрут и интересные встречи. Авторы вывели их в книге под именами мистера и миссис Адамс. Александр Браиловский остался в Нью-Йорке.

За несколько лет до Ильфа и Петрова, в 1931 году, такое же путешествие по Америке совершил Борис Пильняк. Он так же проехал всю страну и описал свою поездку в романе «О'кей». В Нью-Йорке Пильняка встречал всё тот же Браиловский, а в поездке по стране сопровождал писатель и публицист Джозеф Фримен, соучредитель – совместно с Майклом Голдом, - журнала «Нью-Мессиз», а также первого в Нью-Йорке клуба имени Джона Рида.

Активными членами «Клуба Джона Рида», в котором собирались писатели и художники левых взглядов, были Давид Бурлюк и его друзья-художники Николай Цицковский, Рафаэль и Мозес Сойеры. Работы Бурлюка, Цицковского и братьев Сойеров вместе с работами ряда других американских художников были представлены в 1931 году на выставке «Джон Рид Клуба» в Москве, а после - в Харькове и Ленинграде.

Интересна дальнейшая судьба редакторов «Русского голоса» и других участников этой истории, а особенно - смена их политических взглядов и убеждений. Александр Браиловский, тот самый «Юноша бледный со взором горящим...», которому посвятил своё стихотворение Брюсов, пламенный революционер, приговорённый в 1903 году к смертной казни, редактировавший, помимо «Русского голоса», ещё и коммунистический журнал «Новый мир», в начале 1930-х отошёл от коммунистических взглядов, бросил всё и уехал в Калифорнию. Произошло это как раз между визитами Пильняка и Ильфа с Петровым. Причиной тому послужили сталинские «чистки» советского государственного аппарата от евреев. Через несколько лет он всё же вернулся в Нью-Йорк и, помимо работы в «Русском голосе», стал постоянным сотрудником известнейшей эмигрантской газеты «Новое русское слово», которая придерживалась совершенно других взглядов на Советскую Россию. В 1955 году в Нью-Йорке вышла его поэтическая книга «Дорогой свободной», а следующем году – сборник «Временщички в Кремле» с подзаголовком «Политические басни и пародии».

«Левый» писатель и журналист, автор книги «СССР в образах и лицах» Эммануил Поллак (именно тот, который «возбудил» в Ильфе желание потребовать гонорар и затем опубликовал в газете «Soviet Russia Today» восторженное интервью с писателями – с их биографиями и фотографиями), тот самый Поллак, в одной из книг которого была репродуцирована работа Бурлюка «Дети Сталинграда» и который написал статью «На даче Бурлюка», тоже сменил политическую ориентацию. Восьмого мая 1957 года Бурлюк писал Никифорову: «Поллак... недавно перебросился (сволочь!) в антисоветский лагерь. Гадина, скажи – сколько дадено?»^[30]

Соломон Абрамович Трон, мечтавший поселиться в Советском Союзе и там работать, после присутствия на московских процессах 1937 года вернулся в США совершенно убитым и никогда больше не хотел переехать в СССР, оставаясь при этом «советским поклонником».

Несмотря на критику доминирующих в СССР эстетических взглядов и предпочтений, вызванных в первую очередь нежеланием признавать его искусство, сам Давид Бурлюк до конца жизни считал себя «советским человеком». Фраза из его письма Никифорову от 6 июля 1957 года прямо говорит об этом: «Все советские люди (а мы с вами всегда были и стоим в их классе) живут под лозунгом «любовь к человеку, забота о великом человеке». При этом Бурлюк очень дорожил американским паспортом и не согласился обменять его на советский даже ради получения из запасников советских

музеев своих ранних картин – во время поездки в СССР в 1956 году.

Таким же «советским человеком» считал себя и новый редактор «Русского голоса», многолетний близкий друг Давида Бурлюка Давид Захарович Крынкин (в «Русском голосе» одновременно работало несколько редакторов, Бурлюк тоже читал себя таковым). Он стал редактором после отъезда в Калифорнию Александра Браиловского, в 1933 году, и руководил газетой до самой своей смерти в 1959 году. Тяжело больной Крынкин вместе с первой группой, организованной «Русским голосом», приехал по приглашению общественных организаций в СССР – и диктовал на больничной койке своей жене статью «Москва миролюбивая», опубликованную в «Русском голосе» 20 декабря 1959 года. Давид Крынкин похоронен в Москве, на Новодевичьем кладбище.

Давид Бурлюк подарил Никифорову карандашный портрет Крынкина, выполненный в 1939 году. В правом нижнем углу Бурлюк написал: «Давид Захарович Крынкин – редактор «Русского голоса» с 1933 до своей смерти в СССР». Сергей Денисов, нынешний владелец коллекции Никифорова, выставил его в 2012 году на продажу через аукционный дом «Гелос».

Ну а дальнейшую судьбу картин и рисунков, подаренных Давидом Бурлюком Ильфу и Петрову, нам ещё предстоит узнать.

Примечания:

1. Д.Д. Бурлюк. Письма из коллекции С. Денисова. Тамбов, 2011, стр. 431.
2. Лев Славин «Мой чувствительный друг. Рассказы. Записки. Портреты». М., «Советский писатель», 1973.
3. Журнал «Color and Rhyme», № 66, 1967-1970. Published in honor of poet – artist David Burliuk by Mary Burliuk. Hampton Bays, N.Y. 11946 U.S.A., стр. 3.
4. Илья Ильф, Евгений Петров. «Одноэтажная Америка. Письма из Америки». Составление и вступительная статья А.И.Ильф. М., «Текст», 2003, стр. 432.
5. Илья Ильф. «Записные книжки. 1925-1937». Первое полное издание. Составление и комментарии А.И.Ильф. М., «Текст», 2000, стр. 435.
6. Д.Д. Бурлюк. Письма из коллекции С. Денисова. Тамбов, 2011, стр. 47.
7. Д.Д. Бурлюк. Письма из коллекции С. Денисова. Тамбов, 2011, стр. 163.
8. Д.Д. Бурлюк. Письма из коллекции С. Денисова. Тамбов, 2011, стр. 166.

9. В. Беляев «Письмо». Сборник воспоминаний об И.Ильфе и Е.Петрове. Составители Г. Мунблит, А. Раскин. М., «Советский писатель», 1963.
10. Б. Галанов «Илья Ильф и Евгений Петров». М., «Советский писатель», 1961.
11. Илья Ильф. «Записные книжки. 1925-1937». Первое полное издание. Составление и комментарии А.И.Ильф. М., «Текст», 2000, стр. 428.
12. Журнал «Color and Rhyme», № 66, 1967-1970. Published in honor of poet – artist David Burliuk by Mary Burliuk. Hampton Bays, N.Y. 11946 U.S.A., стр. 30.
13. Журнал «Color and Rhyme», № 66, 1967-1970. Published in honor of poet – artist David Burliuk by Mary Burliuk. Hampton Bays, N.Y. 11946 U.S.A., стр. 35.
14. Д.Д. Бурлюк. Письма из коллекции С. Денисова. Тамбов, 2011, стр. 48.
15. Д.Д. Бурлюк. Письма из коллекции С. Денисова. Тамбов, 2011, стр. 128.
16. Д.Д. Бурлюк. Письма из коллекции С. Денисова. Тамбов, 2011, стр. 347.
17. Д.Д. Бурлюк. Письма из коллекции С. Денисова. Тамбов, 2011, стр. 332.
18. Д.Д. Бурлюк. Письма из коллекции С. Денисова. Тамбов, 2011, стр. 333.
19. Д.Д. Бурлюк. Письма из коллекции С. Денисова. Тамбов, 2011, стр. 610.
20. Д.Д. Бурлюк. Письма из коллекции С. Денисова. Тамбов, 2011, стр. 308.
21. Илья Ильф, Евгений Петров. «Одноэтажная Америка. Письма из Америки». Составление и вступительная статья А.И.Ильф. М., «Текст», 2003, стр. 43.
22. Илья Ильф, Евгений Петров. «Одноэтажная Америка. Письма из Америки». Составление и вступительная статья А.И.Ильф. М., «Текст», 2003, стр. 44.
23. Илья Ильф, Евгений Петров. «Одноэтажная Америка. Письма из Америки». Составление и вступительная статья А.И.Ильф. М., «Текст», 2003, стр. 435.
24. Д.Д. Бурлюк. Письма из коллекции С. Денисова. Тамбов, 2011, стр. 89.
25. Илья Ильф. «Записные книжки. 1925-1937». Первое полное издание. Составление и комментарии А.И.Ильф. М., «Текст», 2000, стр. 429.
26. Илья Ильф. «Записные книжки. 1925-1937». Первое полное издание. Составление и комментарии А.И.Ильф. М., «Текст», 2000, стр. 430.
27. Илья Ильф. «Записные книжки. 1925-1937». Первое полное издание. Составление и комментарии А.И.Ильф. М., «Текст», 2000, стр. 438.

28. Илья Ильф. «Записные книжки. 1925-1937». Первое полное издание. Составление и комментарии А.И.Ильф. М., «Текст», 2000, стр. 442.

29. Илья Ильф, Евгений Петров. «Одноэтажная Америка. Письма из Америки». Составление и вступительная статья А.И.Ильф. М., «Текст», 2003, стр. 443.

30. Д.Д. Бурлюк. Письма из коллекции С. Денисова. Тамбов, 2011, стр. 44.